

группе так наз. антенных мечей, которые считаются оружием куршского изготовления [1, p. 202; 21, p. 218; 27, p. 27].

Наряду с проникновением обряда кремации в погребениях с трупосожжениями появляется новый тип оружия — боевые топоры, до этого не известные в могильных комплексах Жасинаса. В связи с этим возникает предположение, что они попали сюда под влиянием традиций куршей, которые, действительно, часто включали боевые топоры в набор погребального инвентаря знатного мужчины (Вардува, Гинталишке, Гриеже, Лайвяй, Паланга). Интересен тот факт, что среди топоров, найденных в Жасинасе, выделяются три изделия (см. рис. 3:2, 6, 7), которые отличаются от остальных меньшими размерами. Если первые достигают величины всего 9,5–11,5, то вторые — 19–13,5 см. Возможно, в этом можно проследить воздействие куршской традиции, согласно которой для загробной жизни мужчин обеспечивали не только настоящими, но и миниатюрными ритуальными топориками [28, p. 54]. По классификации Р. Волкайте-Куликаускене, топоры, обнаруженные в Жасинасе, относятся к III типу, известному в Литве в XI–XII вв. [27, p. 26].

Обзор приведенных примеров служит, на наш взгляд, обоснованным поводом для утверждения наличия этнокультурных процессов в бассейне р. Юра в X–XII вв., в результате которых культурными ценностями куршей обогатилась как духовная (похоронный ритуал), так и материальная (одежда, вооружение) культура жемайтов. Следовательно, новое (чужое) становится достоянием местного населения, что, очевидно, связано со сближением отдельных балтских племен, консолидацией и формированием литовской народности накануне образования Литовского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX–XII amžiais. — V.: Mintis, 1970.
2. Tautavičius A. I–XIII a. laidojimo paminklai Lietuvoje. — In: LAA. V.: Mokslas, 1977, t. 3.
3. Таутавичюс А. З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
4. Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuvių tautybės susidarymas (archeologiniai duomenimis). — In: LIM — 1977. V.: Mokslas, 1978.
5. Волкайте-Куликаускене Р. К. Образование литовской народности (по данным археологии). — СЭ, 1979, № 3.
6. Таутавичюс А. З. Территория жемайтов по археологическим данным V–XII вв. — В кн.: 20 лет. Вильнюс, 1968.
7. Tautavičius A. Žemaičių etnogenezė (Archeologijos duomenimis). — In: Iš lietuvių etnogenezės. V.: Mokslas, 1981.
8. Вайткунскене Л., Казакиявичюс В. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1976. М., 1977.
9. Вайткунскене Л., Казакиявичюс В. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1977. М., 1978.
10. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1978. М., 1979.
11. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Жасинас. — АО-1979. М., 1980.

12. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.
13. Sadauskaitė I. Dėl mirusiųjų deginimo papročio. — In: ILKI. V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
14. Žiogas J. O grobach na cmentarzysku „Imbary“ na Żmudzi, w powiecie Telszewskim, gubernii Kowieńskiej (рукопись находится в архиве Шяуляйского историко-этнографического музея „Аушра“).
15. Laivių kapinyno 1951 m. tyrinėjimų ataskaita. — Архив ОАИИ ЛитССР, д. 8.
16. Vaitkunsienė L. Žirgų aukos Lietuvoje. — In: LA. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
17. Вайткунскене Л. Раскопки могильника Пагрибис. — АО-1980. М., 1981.
18. Vaitkunsienė L. Gintališkės kapinynas. — In: LA. V.: Mokslas, 1979, t. 1.
19. LAA. V.: Mokslas, 1978, t. 4.
20. Volkaitė-Kulikauskienė R. Nauji duomenys apie Vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. — MADA, 1964, Nr. 2(17).
21. Volkaitė-Kulikauskienė R. IX–XII amžių kalavijai Lietuvoje. — In: ILKI. V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1964, t. 4.
22. Šturms E. Kuršu zobenī. — SM, Rīga, 1936.
23. Balodis Fr. Latviešu vēsture. — I. — Senā Latvija. Rīga, 1938.
24. Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. — Рига: Зинатне, 1965.
25. Кирпичников А. Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. — Скандинавский сборник. Таллин, 1966, т. 11.
26. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок (посад — окольный город). — Л.: Наука, 1981.
27. Volkaitė-Kulikauskienė R. Ginklai. — In: Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje. V.: Mokslas, 1981, t. 2.
28. Nakaitė L. Miniatiūrinės IX–XIII amžių įkapės Lietuvoje. — MADA, 1964, Nr. 2(17).

ZUR FRAGE DER KONTAKTE DER BALTISCHEN STÄMME IN LITAUEN VON 10. BIS 12. JH.

L. Vaitkunsienė

Zusammenfassung

In den Jahren 1976 bis 1979 wurde im Flussbecken der Jūra das Gräberfeld von Žasinas (Rayon Šilalė) — ein Denkmal der shemaitischen Kultur von 10. bis 12. Jahrhundert — erforscht. Die ethnische Deutung des Ausgrabungsmaterials ermöglichte es, die Kontakte der Shemaiten mit den anderen baltischen Stämmen zu verfolgen, die damals das Territorium Litauens bewohnten. Im Artikel wird greifbar dargelegt, wie die Beziehungen mit den Kurschen verschiedene Gebiete der shemaitischen geistigen (Bestattungsbräuche) und materiellen Kultur (Kleidung, Bewaffnung) beeinflusst hatten. Die Verfasserin vertritt den Standpunkt, dass die kulturellen Verbindungen die baltischen Stämme einander näherbrachten, und ihre Konsolidierung beschleunigten, was mit der Zeit zur Bildung des litauischen Volkes führte.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БАЛТСКИХ И ЮЖНОЭСТОНСКИХ ПЛЕМЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

М. Аун (Таллин)

Во второй половине I тысячелетия н. э. на территории южной Эстонии, как и во всей Восточной Прибалтике, наблюдаются заметные изменения в материальной культуре и погребальном обряде, возникшие, как пра-

вило, на основе культуры предыдущего периода в связи с дальнейшим развитием социально-экономических отношений и взаимоотношения с соседними племенами. В изучаемое время прослеживается расселение балтских и славянских племен в северном направлении, в частности среди финно-угорского населения. Вследствие этого сужается территория распространения в северных районах Латвии прибалтийско-финских племен, близких до середины I тысячелетия н. э. по характеру материальной культуры южноэстонским племенам [1, с. 123]. Учитывая территориальное соседство, а также сложившуюся историческую обстановку, вполне понятно, что на территории Эстонии во второй половине I тысячелетия наибольшее влияние балтской культуры прослеживается именно в ее южной части.

Основными источниками изучения взаимоотношений балтских и южноэстонских племен, кроме данных антропологии и лингвистики, являются вещевые материалы (предметы украшения, оружие, керамика и т. д.) балтского происхождения, а также некоторые балтские черты в погребальном обряде [2, л. 39–40] и домостроительстве [3, с. 301]. Оценивая характер балтского влияния на местные племена, одни исследователи подчеркивают сильное латгальское влияние в культуре городищ южной Эстонии [4, с. 185; 5, л. 163]. Считается, что вся металлокультура восточноэстонских племен в исследуемое время приняла латгальский облик [6, с. 324]. Другие авторы предполагают инфильтрацию латгалов на эту территорию [3, с. 301]. Согласно предположению некоторых авторов [2, л. 48, 163–164], в восточной части южной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. сложилось смешанное население, одним компонентом которого могли быть балты или славянизированные балты.

В истории связи южноэстонских и балтских племен, как и во всей истории второй половины I тысячелетия н. э., на территории Эстонии можно выделить два хронологических этапа, отличающихся по влиянию отдельных балтских племен в разных частях изучаемого региона.

Основную часть археологического материала, позволяющего характеризовать связи с балтскими племенами на первом этапе (V–VII вв.), составляют предметы украшения, представленные главным образом в кладках (Кардла, Паали, Реола, Вийра, Хуммули и др.). Анализ имеющегося материала показывает, что в V–VII вв., как и в предыдущем периоде [7, с. 19–21], в южной Эстонии господствуют связи в южном и юго-западном направлениях. С юга и юго-запада, т. е. от земгальских племен или при их посредничестве, от западных балтов (в основном из бывшей Восточной Пруссии) в южную Эстонию поступали не только цветные металлы (бронза и серебро), но и новые типы украшений: арбалетовидные фибулы со звездчатой и лопатообразной ножкой, фибулы с треугольной ножкой, кольчатые арбалетовидные фибулы, браслеты с дужкой треугольного сечения, шейные гривны с заходящими концами разных типов (рис. 1:3–5; рис. 2:2, 3, 5, 6) и т. д. Большая часть упомянутых предметов импортная, причем наиболее распространенными стали лишь некоторые типы арбалетовидных фибул и браслетов (Ляэт-

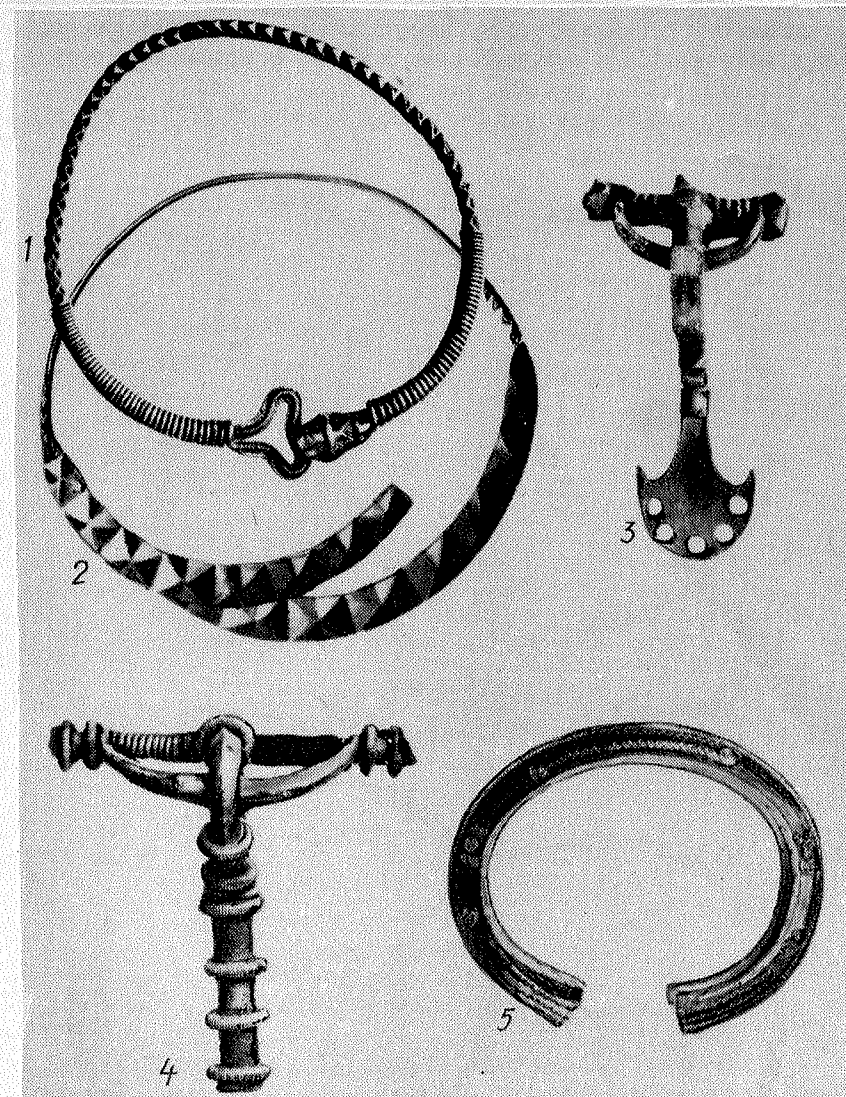

Рис. 1. Предметы украшений из кладов Лоози (1), Хуммули (2), Паали (3–4) и Кардла (5): 1, 2 – 2/5; 3–5 – 3/5 натуральной величины (ИИ 712 : 1; 2019: 2; 3235: 92; 3235: 239; 2415а: 6)

са, Унипиха, Пиккярве и др.)¹. Топография находок V–VII вв. южного и юго-западного происхождения на территории южной Эстонии указывает на то, что больше всего они сосредоточиваются в той части изучаемого региона, где в первой половине I тысячелетия н. э. были распростра-

¹ИИ 2766:47; 1198:10; 1260:3

нены каменные могильники с оградками. Гораздо меньше предметов земгальского и западнобалтского происхождения на территории курганных могильников в юго-восточной Эстонии. В основном это предметы поясного набора: пряжки, бляшки и т. д. Очевидно, западнобалтского происхождения железная В-образная пряжка VI–VII вв. из круг-

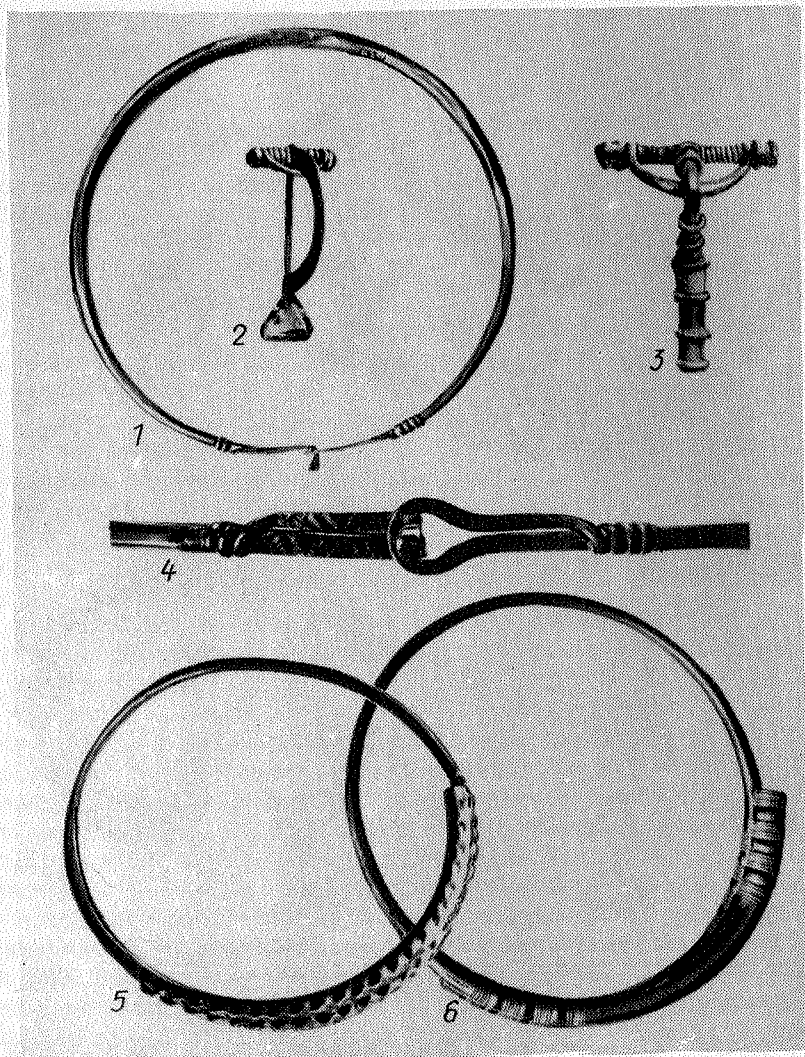

Рис. 2. Предметы украшений из кладов Вейра (1, 4), Паали (2, 3), Кардла (5, 6): 1 – 2/5; 2, 3, 6 – 3/5; 5 – 1/2 натуральной величины; 4 – в натуральную величину (1, 4 – ИИ 1529: 1; 2 – 3235: 241; 3 – 3235: 240; 5 – 2415: 7; 6 – 2415: 1)

лого кургана 9 в Линдора (рис. 3:4). Трудно определить, с какими именно балтскими племенами связываются находки бронзовых так наз. бляшек-скорлупок на территории южной Эстонии (рис. 3:2). Эти бляшки обычно характерны для псковской группы культуры длинных курганов [2, л. 45; 6, с. 324; 8, с. 31, 32 и др.]. Поскольку бляшки-

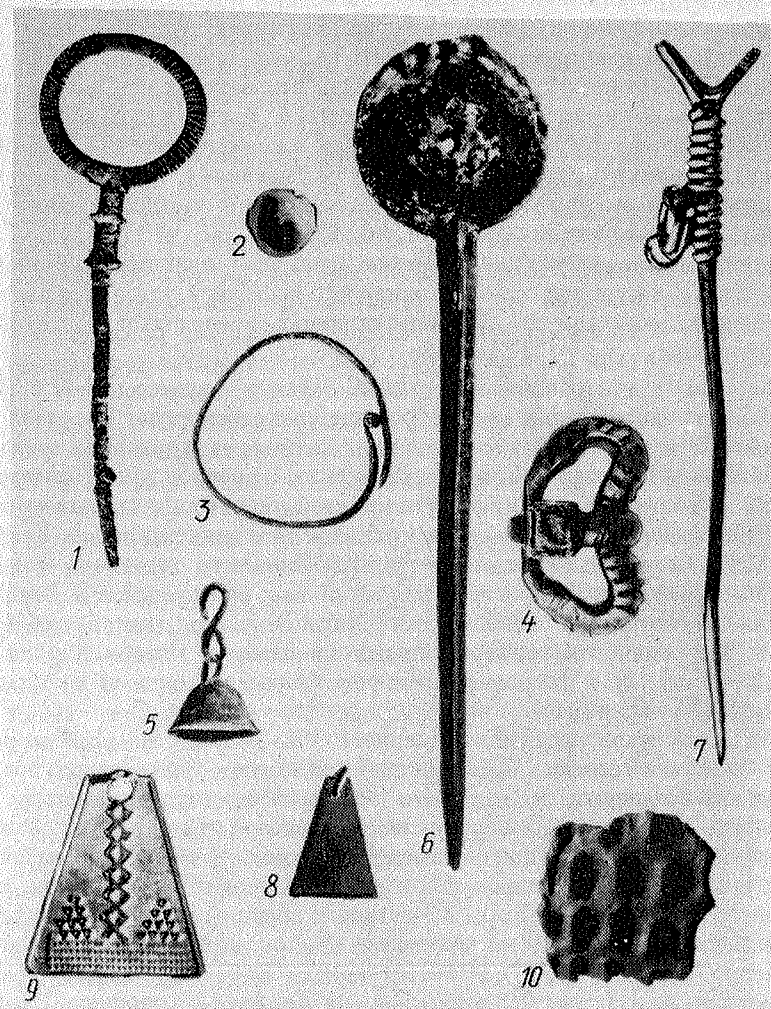

Рис. 3. Предметы украшений (1, 3, 5–9), поясного набора (2, 4) и черепок керамики (10) из городищ и селищ (1, 3, 6–9) и курганных могильников (2, 4, 5) южной Эстонии: 1 – 1/2 натуральной величины; 2–10 – в натуральную величину (1 – ВаМ 1617: 545; 2 – ИИ 4929: VIII, 29; 3 – ИИ 4100: 3456; 4 – ИИ 4285: IX, 5; 5 – ИИ 4929: 1, 29; 6 – ВМ 9450/ А 32: 164; 7 – ВМ 9450: 761; 8 – ИИ 4100: 6489; 9 – ВМ 9402/ А 31: 477; 10 – ИИ 3452: 77)

скорлупки на территории Эстонии встречаются и в каменных могильниках первой половины и середины I тысячелетия н. э., то на основании этого иногда устанавливаются и общие черты между длинными курганами и каменными могильниками [9, с. 215]. Находки бляшек-скорлупок в памятниках тушемлинско-банцеровской культуры интерпретируются как свидетельство контактов местного балтского населения с прибалтийско-финскими племенами [10, с. 17]. Топография бляшек-скорлупок на территории Восточной Европы, однако, показывает, что наиболее ранние (II–III вв.) их экземпляры известны в южной Прибалтике [9, с. 121–122]. Они встречаются и в погребальных памятниках среднего и позднего железа в Литве, напр., в могильнике Линксмучяй² [11, раv. 305 и др.]. Так как на территории Эстонии бляшки-скорлупки найдены в каменных могильниках, где, как правило, встречаются и другие предметы балтского, в частности западнобалтского, происхождения [9, с. 74–90, 121; 12, Taf. VI: 3, 4 и др.]³, создается впечатление, что они в ареале культуры длинных курганов, в том числе и в курганных могильниках юго-восточной Эстонии, а также в каменных могильниках Эстонии являются предметами балтского происхождения.

Известные в восточной части южной Эстонии предметы V–VII вв. балтского происхождения все же больше свидетельствуют о связях в юго-восточном направлении с восточными балтами на территории восточной Латвии и восточной Литвы и, возможно, с днепровскими балтами. Именно с восточными балтами упомянутой территории связываются, напр., шейные гривны с петлей и крючком на концах из кладов Вийра (рис. 1:1). Отдельные предметы восточнобалтского характера найдены и на территории распространения каменных могильников в южной Эстонии. К категории изделий этого типа относятся, напр., шейные гривны с заходящими тордированными концами из кладов Кардла и Паали⁴ (рис. 1:2) и расширенными уплощенными концами из кладов Хуммули (Валгаский р-н).

На втором этапе, начиная примерно с VII–VIII вв., на всей территории южной Эстонии наблюдается некоторое уменьшение предметов юго-западного, в частности земгальского, происхождения и увеличение связей в юго-восточном направлении. Если западнобалтские и земгальские предметы середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. распространились почти по всей территории Эстонии, то предметы восточнобалтского, в частности латгальского, происхождения последней четверти I тысячелетия н. э. сосредоточивались преимущественно в ее южной и восточной частях. Особенно многочисленны предметы конца I тысячелетия н. э. на селище и городище Рыуге [4, с. 170–171, 185].

²МАЭ АР 59:15

³ИМ 3235:90

⁴ИИ 3235:90

Состав предметов балтского происхождения по сравнению с V–VII вв. в последней четверти I тысячелетия н. э. стал несколько разнообразнее. Наряду с украшениями все чаще встречаются предметы обихода и орудия труда, оружие, предметы поясного набора и керамика. Кроме того, среди предметов этого периода несколько увеличивается количество местных подражаний балтским изделиям (рис. 3:1). Среди находок последней четверти I–начала II тысячелетия н. э. в исследуемых памятниках южной Эстонии многочисленны бронзовые треугольные и трапециевидные подвески (рис. 3:8, 9), являющиеся наиболее излюбленными украшениями латгалов [13, lpp. 75; 14, табл. I: 2, XV: 3 и др.]. Встречаются они в северо-восточной Литве [11, р. 462, раv. 330], а также в длинных и круглых курганах [8, табл. 23: 27, 28, 32–34, 38; 15, рис. 3:17, 18, 4:11; 16, рис. 6:20, 23, 32 и др.]. Топография находок трапециевидных подвесок на территории Эстонии показывает, что наибольшее их количество встречается в южных и восточных районах. Большинство из упомянутых южноэстонских подвесок изготовлены, по всей вероятности, по соответствующим образцам на месте. Среди них, однако, известны и отдельные импортные экземпляры, напр., изящно орнаментированная подвеска из селища Тырва (рис. 3:9).

Балтским элементом в материальной культуре местного населения являются, очевидно, и бронзовые колоколовидные подвески. В южной Эстонии они найдены на городищах Рыуге и Отепя, в каменных могильниках Кууле и Яагупи и курганных могильниках Арнико III и Рысна-Сааре I (рис. 3:5). На территории Эстонии, кроме ее южной части, колоколовидные подвески в несколько большем количестве известны и в каменных могильниках северной Эстонии (Оявески, Пуртсе-Матка)⁵. Исследователи эти подвески обычно считают типичными украшениями латгалов и селов в VII–XI вв. [16, с. 64–75; 17, lpp. 75 и др.].

Предметами латгальского импорта являются бронзовая костылевидная булавка VIII в. из селища Тырва (рис. 3:7), фрагменты бронзовых шейных гривн с расширяющимися концами (IX–X вв.) из городищ Рыуге [4, табл. IX:10], Отепя и селища Рыуге⁶.

Земгальского происхождения, по всей вероятности, бронзовая булавка с дисковидной головкой, найденная на селище Тырва (рис. 3:6), а также фрагменты головного венка из селища Кививаре⁷.

Наряду с предметами украшения латгальского и земгальского происхождения на городище Рыуге обнаружен фрагмент височного кольца восточнолитовского типа [4, табл. IX:12]. По своей форме на восточнолитовские височные кольца похоже и другое проволочное кольцо со спиралькой на одном конце (рис. 3:3). С восточнобалтскими племенами из восточной Латвии или восточной Литвы связываются, очевидно, и шейные гривны с седловидными концами (рис. 1:1) из кладов в Лоози (Вырусский р-н), датированные VII–VIII вв. [18, л. 208, 209].

⁵ИМА 349:328–331, 333–335; А 370:76, 166

⁶ИИ 4036:1 232, II 1184 (Отепя); 4100:7221 (селище Рыуге)

⁷ВаМ 1617:427

Отдельные виды украшений, напр., железные костылевидные булавки, птички-фигурки-подвески из рога были, по всей вероятности, характерны как для латгалов, так и для южноэстонских племен.

Наряду с предметами украшений в последней четверти I тысячелетия н. э. появляются и новые типы орудий труда и оружия, являющиеся в своей основе балтскими. Начиная с IX в. на территории Эстонии известны проушные узколезвийные топоры латгальского типа, отдельные экземпляры которых найдены и в южной Эстонии на городище Отепя и селище Рыуге (рис. 4:2). Найденная на селище Рыуге железная пешня (рис. 4:3) земгальского происхождения. Точная датировка рыугеской пешни затруднительна, но в земгальских могильниках пешни встречаются в мужских погребениях V–X вв. [13, lpp. 65].

Из орудий к балтской культуре относятся черешковые наконечники дротиков с одним или двумя шипами (Рыуге)⁸, а возможно, и наконечники копий с необычайно широким пером (рис. 4:1). Многочисленные аналогии в грунтовых могильниках латгалов известны для наконечников копья с листовидным пером и утолщением почти в середине черешка. Топография находок наконечников этого типа I–начала II тысячелетия н. э. показывает, что они на территории Эстонии сосредоточены в ее южной части [19, l. 114].

Основная масса известных предметов орудий труда и оружия была довольно широко распространена по всей Восточной Европе и поэтому только с балтскими племенами их связывать нельзя. В лепной керамике, являющейся наиболее выразительной принадлежностью материальной культуры южной Эстонии в последней четверти I тысячелетия н. э., влияние балтской культуры прослеживается довольно слабо. Характерная в исследуемое время для балтских племен так наз. облитая керамика на городищах и селищах южной Эстонии представлена лишь несколькими черепками (Тырва, Рыуге и др.). Несколько больше известна защитная керамика Пезду (рис. 3:10), Унипиха, Мустивере и др., которую исследователи также считают характерной для балтских племен [20, с. 73]. В отличие от защитной керамики сосуды с защитным орнаментом на плечике или верхней части тулова довольно распространены на городищах и селищах южной Эстонии. Известны они и у балтских племен [20, с. 73, 75, рис. 3:11–14, 4:2], и у населения дьяковской культуры [21, с. 149 и др.].

С балтским населением тушемлинско-банцеровской культуры связывают отдельные сосуды из курганных могильников. Сосуд, характерный по форме для названной культуры, известен, напр., из круглого кургана в Варбузе (Пылваский р-н)⁹.

Выявить балтские черты в погребальном обряде населения южной Эстонии весьма трудно. Первостепенное значение в этом отношении имеют детальный анализ погребального обряда и выявление тех новых элементов обрядности, которые не связаны с ее местной эволюцией.

⁸ИИ 4040:259

⁹ИИ 215

К таким новым явлениям относятся, на наш взгляд, появление: 1) погребений в глиняных урнах (включая случаи, когда опрокинутый вверх дном сосуд покрывает кучку кальцинированных костей (курган в Обинитса, курган 9 в Лассина II, курган 5 в Рысна-Сааре II), а

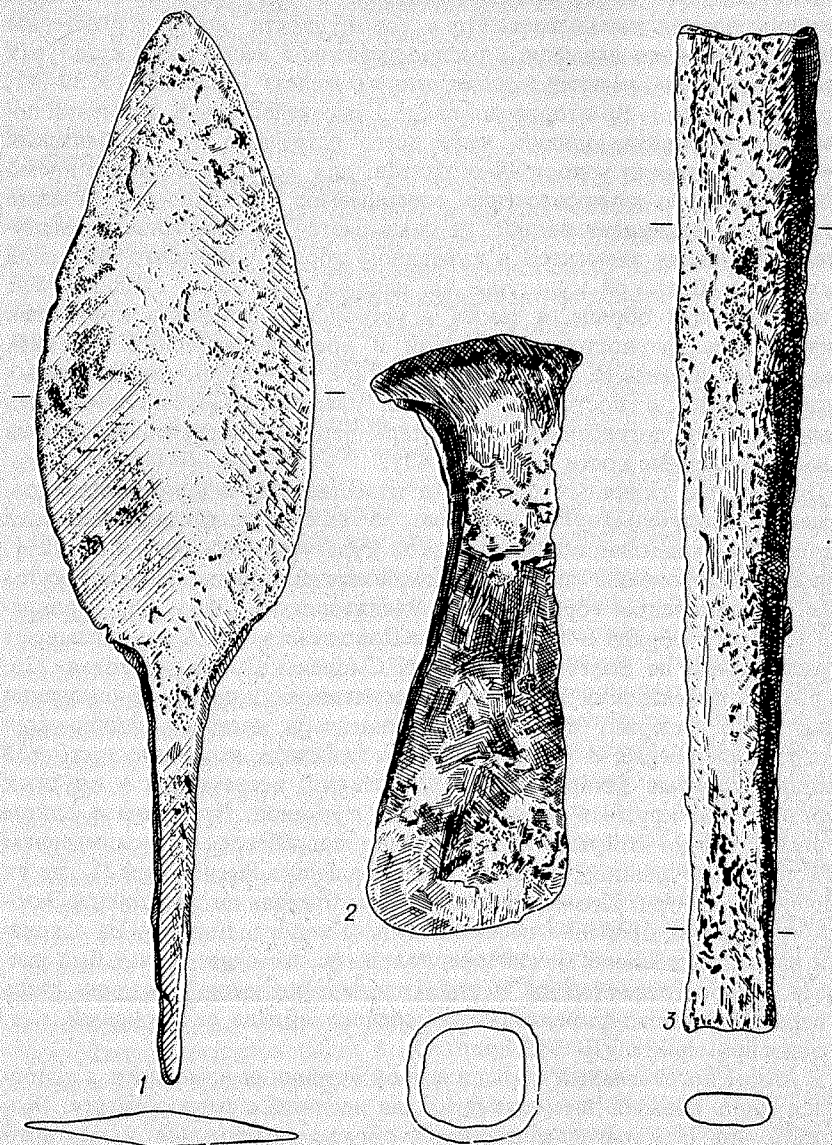

Рис. 4. Предметы из селища Рыуге: 1 – наконечник копья; 2 – топор; 3 – пешня (ИИ 4100: 4137, 2915, 5699). 1 – в натуральную величину; 2, 3 – 1/2 натуральной величины

также яму с кальцинированными костями в насыпи кургана 5 в Рысна-Сааре II), 2) обычая класть сопровождающий погребальный инвентарь рядом с погребением (курган 8 в Рысна-Сааре I, курган 6 в Рысна-Сааре II), 3) камней неподалеку от некоторых захоронений, очевидно, отмечающих эти погребения (курган 1 и 5 в Рысна-Сааре II).

Сопоставление перечисленных явлений с погребальным обрядом соседних племен показывает, что в совокупности они не характерны только для одного племени, а распространены в нескольких культурах в разные времена, начиная с эпохи раннего железа [22, с. 12–13, 39–41, 61, 82–85 и т. д.]. Во второй половине I тысячелетия н. э. элементы погребального обряда, однако, чаще всего встречаются у тех балтских племен, в частности у восточных балтов, для которых в данное время было характерно трупосожжение, совершаемое в основном не на месте погребения. Возникает вопрос, не связывается ли появление упомянутых выше новых элементов в курганном обряде у местного населения с влиянием балтской культуры. На наличие некоторых сходных черт в погребальном обряде, а также в устройстве насыпей в курганных могильниках юго-восточной Эстонии и восточнолитовских курганах уже указывал ранее М. Х. Шмидехельм [2, л. 39–40]. Из перечисленных обычая класть погребальный инвентарь рядом с погребением или на кальцинированные кости [ср.: 23, с. 83].

Применение глиняных сосудов в качестве урн и их различное положение свидетельствует, очевидно, о связях с восточнобалтским населением тушемлинско-банцеровской культуры [ср.: 24, с. 119–121]. Урновые захоронения считают балтской чертой в финно-угорской культуре на дьяковском городище под Звенигородом [25, с. 36]. Появление урнового обряда в Ярославском Поволжье в IX–X вв. связывают с расселением на Волге населения из Смоленского Поднепровья [26, с. 52]. В ярославских курганных могильниках урновые захоронения чаще всего содержат погребальный инвентарь местного, финно-угорского населения [26, с. 47, 51]. Следует отметить, что в юго-восточной Эстонии урновые захоронения, как правило, встречаются в круглых курганах или круглых частях длинных курганов. При этом в одном кургане обычно открыто одно урновое погребение, за исключением круглой части длинного кургана 5 в могильнике Рысна-Сааре II, где их найдено всего три. Кроме того, в ранних курганах юго-восточной Эстонии урновые захоронения весьма редки (Линдора, Кынну). На основании вышеизложенного можно предположить, что этот обычай был наиболее распространен среди местного населения южной Эстонии лишь в период прочного укрепления курганного обряда захоронения, т. е. начиная примерно с VII–VIII вв.

В целом погребальный обряд в южной Эстонии не изменился, а пополнился лишь новыми элементами и стал несколько разнообразнее. Возможно, что переход к курганному обряду захоронения у местного населения изучаемого региона совершился несколько быстрее благодаря тесным связям с балтским населением. Открытым еще остается

вопрос о происхождении обычая сооружать длинные курганы, по которому исследователи высказывают разные мнения [8, с. 41; 24, с. 121; 27, с. 251; 28, с. 64, 65; 29, с. 695–701 и др.]. Интересно предположение В. Б. Перхавко, изучавшего раннесредневековые памятники междуречья Днепра и Немана, о возникновении обычая сооружения длинных насыпей в среде прибалтийско-финских племен и соседних групп балтского населения [10, с. 11]. Весьма правдоподобно его предположение о том, что на юге Псковской обл. и в Подвинье в изучаемое время проживало смешанное балто-финское население [10, с. 21]. Создается впечатление, что появление в курганных могильниках юго-восточной Эстонии некоторых элементов восточнобалтского погребального обряда не обязательно свидетельствует о проникновении сюда самих балтов. Вполне возможно, что распространение балтских черт в погребальном обряде у местного населения происходило при посредничестве названного смешанного балто-прибалтийско-финского населения, которое проживало в южной части Псковской обл.

Найденные в южной Эстонии вещевые материалы, а также некоторые балтские элементы в погребальном обряде говорят о весьма тесных культурных (меньше — этнических) отношениях с балтскими племенами, обогативших местную материальную и духовную культуру. На основании вышеизложенного следует отметить, что роль латгалов в этих отношениях по сравнению с остальными балтскими племенами не была столь значительной, как это предполагалось ранее.

Иная обстановка сложилась, однако, в северных районах Латвии, где до середины I тысячелетия н. э. жили прибалтийско-финские племена, по характеру материальной культуры близкие к культуре южно-эстонских племен [1, с. 123]. Во второй половине I тысячелетия н. э. здесь в связи с проникновением на эту территорию латгальских племен начинается сложный процесс ассимиляции местного населения пришельцами. Взаимоотношения прибалтийско-финских и балтских племен этой территории были неоднократно объектом изучения антропологов [30, с. 10, 13–15; 31, с. 171–175; 32, с. 136–143] и лингвистов [33, с. 157–163]. Несколько скромнее эти вопросы освещены археологами. Предположение о разноплеменности могильников лудзенского типа было высказано В. В. Седовым [34, с. 319–324]. Особое внимание исследователь обращает на наличие в женских погребениях Нукшинского могильника головных венков двух типов — ленточных и жгутовых. Интересен тот факт, что в наиболее ранних женских погребениях (X в.) встречаются, как правило, жгутовые венки, хотя ленточные у латгалов были в обиходе гораздо раньше (с VI в.) жгутовых, время появления которых исследователями отнесено к IX–X вв. [35, стр. 79–82]. Кроме того, во всех пяти погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, встречаются именно жгутовые венки. На основании вышеизложенного, конечно, трудно высказать предположение о принадлежности жгутовых венков местному прибалтийско-финскому населению и связывать их появление в латгальских могильниках

с взаимовлиянием двух культур. Но иметь в виду такой факт все же следует.

На наличие некоторых нелатгальских элементов в погребальном обряде (погребения, совершенные по обряду группосожжения, северная ориентация отдельных погребенных) в могильнике Кивти указано антропологом Р. Я. Денисовой [32, с. 137, 138]. Кроме того, по данным антропологии, в антропологическом типе населения северной и восточной Латвии прослеживается заметный прибалтийско-финский субстрат. На то, что эти сходные черты восходят к более древнему времени, указывают материалы могильника Кивти, где, по данным Р. Я. Денисовой, в VIII–IX вв. известен антропологический тип прибалтийских финнов с характерным для него широким и уплощенным лицом [30, с. 10, 13–15; 31, с. 171–175; 32, с. 138–139]. Весьма интересны и важны для дальнейшего исследования выводы Ю. М. Ауля о том, что антропологически северные латгалы ближе южноэстонской этнографической группе сету, чем латыши Латгалии латышам Видземе [36, с. 145, 146]. О том, что местные прибалтийско-финские племена в северной Латвии продолжали жить и после проникновения с юга балтского населения, свидетельствуют этнические группы лейвуских и лудзенских эстонцев [1, с. 124; 37, с. 48].

В заключение следует отметить, что вклад прибалтийско-финских племен северной и восточной Латвии в балтскую культуру был несомненно значительнее, чем роль южноэстонских племен на территории современной Эстонии. Особенности развития материальной и духовной культуры этого региона, в частности северо-восточной части Латвии, возникшие на основе взаимовлияния двух культур, однако, более заметно прослеживаются в начале II тысячелетия н. э., но это уже тема нового исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: ВЭИ. Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1956.
2. Schmiedehelm M. Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Estis. — In: Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo. Tallinn: Eesti Raamat, 1965.
3. Седов В. В. Жилища юго-восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия н. э.). — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975.
4. Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — В кн.: ТПОКЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 1.
5. Schmiedehelm M., Laul S. Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel. — In: Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn: Valgus, 1970.
6. Лаул С. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии. — Изв. АН ЭССР. Общественные науки, 1971, т. 20, № 3.
7. Лаул С. К. Юго-восточная Эстония в период раннего железа (II–V вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Таллин, 1974.
8. Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ. М., 1974, вып. Е1-8.
9. Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1955.

10. Перхавко В. Б. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: МГУ, 1978.
11. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.
12. Mandel M. Ausgrabungen einer Steinsetzung in Lihula. — ENSV TAT. 25. 1. Uhis-konnateadused, 1976, Nr. 1.
13. Urtāns V. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5.–9. gs. — AE, 1970, Nr. IX.
14. Шноре Э. Д., Зарина А. Э., Дайга И. В. Нукшинский могильник. — МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1957, т. 1.
15. Шмидт Е. А. Длинные курганы у д. Цуровки в Смоленской области. — СА, 1958, № 3.
16. Шмидт Е. А. Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской области. — СА, 1962, № 4.
17. Urtāns V. Bronzas zvaniņu rotas VII–XI gs. — LZAV, 1970, № 8 (277).
18. Tõnisson E. Eesti aardeleidud 9.–13. sajandist. — In: Muistsed kalmed ja aarded. Atheoloogiline kogumik II. Tallinn, 1962.
19. Selirand J. Eestlante matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.–13. sajand). Tallinn: Eesti Raamat, 1974.
20. Циммермане И. Р. Керамика I тысячелетия н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
21. Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. — В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
22. Никитина Г. Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. — В кн.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетия н. э. М.: Наука, 1974.
23. Таутовичюс А. З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н. э. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
24. Митрофанов А. Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э.—VII в. н. э.). — Минск: Наука и техника, 1978.
25. Краснов Ю. А., Краснов Н. А. „Домик мертвых” на городище дьяковского времени. — АО-1966. М., 1967.
26. Дубов И. В. Урновые погребения Ярославских могильников. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии. Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977, вып. 1.
27. Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарями и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. — М.: Наука, 1974, № 1.
28. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX–XI веков. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
29. Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slaven im 4.–6. Jahrhundert. — Beiträge zur Ur und Frühgeschichte 1. Beiheft 16. Berlin, 1981.
30. Денисова Р. Прибалтийские финны на территории Латвии (I–II тысячелетия н. э.). — В кн.: Взаимоотношения балтов и прибалтийских финнов. Рига: Зинатне, 1970.
31. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. — Рига: Зинатне, 1975.
32. Денисова Р. Я. Этногенез латышей (по данным краниологии). — Рига: Зинатне, 1977.
33. Брейдак А. Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР. — В кн.: Взаимоотношения балтов и прибалтийских финнов. Рига: Зинатне, 1970.
34. Седов В. В. Реч. на книгу Нукшинский могильник. Рига, 1957. — СА, 1959, № 1.
35. Zariņa A. Latgaļu vainagi laikā no 6. līdz 13. gadsimtam. — AE, 1960, Nr. 11.
36. Ауль Ю. М. О взаимоотношениях эстонцев и латышей по антропологическим данным. — КСИЭ, 1958, № 24.
37. Каск А. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов. — В кн.: ВЭИ. Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1956.

DIE BEZIEHUNGEN DER BALTISCHEN UND SÜDESTNISCHEN
STÄMME IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES 1. JAHRTAUSENDS

M. Aun

Zusammenfassung

In der Geschichte der Beziehungen der südestnischen und baltischen Stämme in der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends sind zwei Perioden zu unterscheiden. Diese Perioden kann man durch unterschiedliche Rolle der Latgalen, Zemgalen oder anderer baltischer Stämme bei den Verbindungen mit estnischen Gebieten charakterisieren. In der Periode von 5. bis 7. Jahrhundert sind in Südestland in erster Linie die Beziehungen zu den Zemgalen und durch ihre Vermittlung zu den westbaltischen Stämmen (hauptsächlich auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens) zu verfolgen. Die in den Schatzfunden Südestlands (Kardla, Paali, Viira, Reola, Hummuli) vorkommenden Schmucksachen zemgalischer-westbaltischer Herkunft bilden die Mehrheit der in Estland gefundenen baltischen Gegenstände dieser Periode. Einzelne Armbrustfibeltypen derselben Herkunft treten auch in den Steinsetzungsgräbern Südestlands (Unipiha, Läätsa, Pikkjärve u. a.) auf. In den Materialien der Siedlungen und Burgberge sind nur einzelne baltische Gegenstände des 5. bis 7. Jahrhunderts vertreten. Zu betonen ist, dass auch im östlichen Teil Südestlands, im Verbreitungsgebiet der Hügelgräber, nur wenige westbaltische Gegenstände (z. B. eine Gürtelschnalle des 6. bis 7. Jh. aus Lindora) vorgefunden sind. Ein grosser Teil der hier gefundenen Gegenstände deutet auf die Beziehungen zu den östlichen baltischen Stämmen, die Ostlettland, Ostlitauen und den Dneprgebieten bewohnten (Halsringe aus den Schatzfunden von Viira und Loosi, mehrere Gürtelteile aus den Hügelgräbern).

In der folgenden Periode, von 7. bis 8. Jahrhundert, vergrössert sich die Bedeutung der östlichen baltischen Stämme in der Beziehungen zum ganzen Südestland beträchtlich. Ausser den Schmucksachen kommen in dieser Periode mehr Waffen, Gebrauchsgegenstände und Keramik baltischer Herkunft vor. Mehr als in der vergangenen Periode gibt es nun Gegenstände, die nach den baltischen Vorbildern an Ort und Stelle angefertigt werden (Brustnadeln, Anhänger u. a.). Neben dem Fundgut machen sich baltische Züge auch in den Bestattungsbräuchen der südestnischen Stämme bemerkbar. Auf den Hügelgräberfeldern der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends im östlichen Teil Südestlands ist eine Reihe von Erscheinungen (Urnen und ihre unterschiedliche Lage, Anordnung der Beigaben neben oder auf der Bestattung, Vorhandensein der Steine in der Nähe der Bestattungen) zu beobachten, die der Verfasser mit den Beeinflussungen durch diese baltischen Stämme, denen in der betreffenden Periode die Brandbestattung charakteristisch war (Ostlitauen, Dneprgruppe der Balten u. a.), verbindet. Es ist möglich, dass durch die Beziehungen zu den genannten ostbaltischen Stämmen selbst der Übergang zu Brandbestattungen in den Hügelgräbern wesentlich beschleunigt wurde. Die in Südestland gefundenen baltischen Gegenstände, desgleichen einige Elemente der Bestattungsbräuche, zeugen in erster Linie von den engen Kulturbeziehungen (weniger von den ethnischen Verbindungen) zu verschiedenen baltischen Stämmen.

Andersartig war die Lage im Nord- und Ostlettland, die bis zur zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends von den den Südosten nahen ostseefinnischen Stämmen besiedelt waren. Mit dem Eindringen der Balten fing hier in der genannten Zeitspanne der komplizierte Assimilierungsprozess an. Neben archäologischen Daten beweisen auch spätere Angaben der Ethnographie, Volksdichtung, Sprache u. a. m., dass die hiesigen alten ostseefinnischen Stämme bemerkenswerte Spuren in der ethnischen und kulturellen Entwicklung der Bevölkerung Nordlettlands hinterlassen haben.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ С ПРИБАЛТИКОЙ

Ф. Д. Гуревич (Ленинград)

Культурные связи Древней Руси с Прибалтикой, издавна привлекавшие внимание исследователей, вызывают живой интерес советских археологов. Обзор археологической литературы, посвященной культурным взаимоотношениям Западной Руси с прибалтийским населением, сделан З. М. Сергеевой [1, с. 4]. В настоящей работе поставлена задача показать особенности взаимоотношений между древнерусскими городами на территории Белоруссии и соседними прибалтийскими землями, чему способствуют археологические материалы городов Полоцкой и Туровской земель, а также Черной Руси [2—8; 9, с. 72—211]. Поднепровские и посожские города восточной Белоруссии пока мало изучены, а материалы планомерно раскрываемого Мстиславля опубликованы в небольшом объеме [10, с. 44—52; 11, с. 167—177].

Картографирование вещей из древнерусских городов на территории Белоруссии, привезенных из Прибалтики или сделанных на месте под влиянием прибалтийских изделий, указывает на более выраженные контакты с западными соседями в приграничной зоне, т. е. в Полоцкой земле и Черной Руси (рис. 1). В Полоцкой земле выделяется древ-

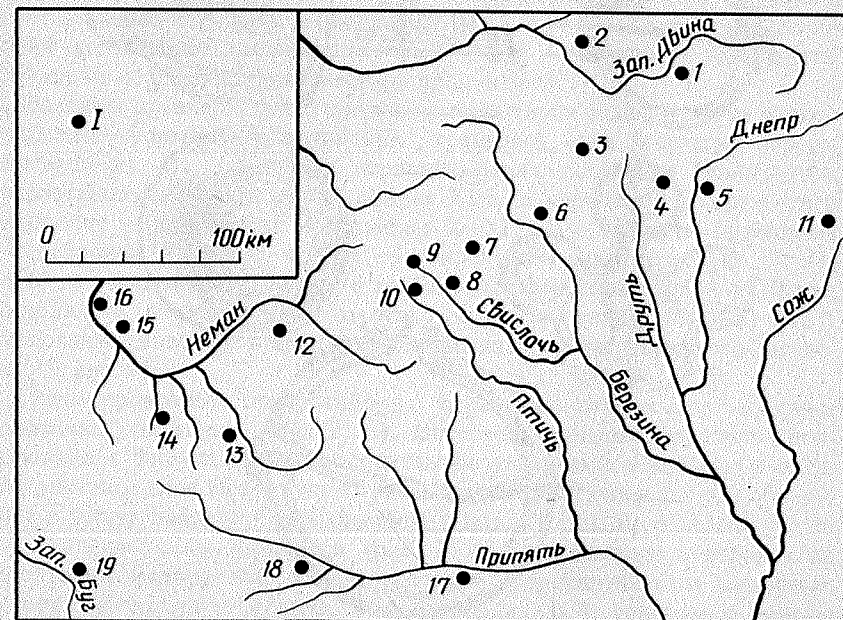

Рис. 1. Древнерусские города (1), в которых встречены прибалтийские изделия и подражания им: 1 — Витебск; 2 — Полоцк; 3 — Лукомль; 4 — Друцк; 5 — Копысь; 6 — Борисов; 7 — Логойск; 8 — Минск; 9 — Заславль; 10 — Городище на Менке; 11 — Мстиславль; 12 — Новогрудок; 13 — Слоним; 14 — Волковыск; 15 — Турейск; 16 — Гродно; 17 — Туров; 18 — Пинск; 19 — Брест